

В Орске

В 1973 году я закончил Оренбургский пединститут, а затем три года проработал в шестой школе г. Орска. С тех пор прошло более сорока лет. Я хорошо помню события двадцатилетней, тридцатилетней давности (перестройка, рыночные преобразования), но именно события, а не людей. А вот коллеги из шестой школы стоят перед глазами, как будто их видел вчера. Наверное, потому, что это был мой первый трудовой коллектив. После вольготной студенческой жизни и сразу — в школьную круговерть. Начинать везде трудно, но особенно в школе. Поэтому я был благодарен коллегам за доброжелательное отношение, поддержку.

За исключением двух-трёх случайных встреч мне так и не довелось их повидать. Сначала не получалось, а потом уже было

поздно. Кто-то умер, другие изменились, постарели, да и меня основательно подзабыли. Зачем встречаться с чужими людьми? Прав Гераклит: нельзя дважды войти в одну и ту же реку.

Главная проблема молодого учителя — дисциплина. Когда заканчивался мой первый отпуск, я с тоской думал о том, что вновь придётся идти в 8 «Б». В классе под сорок человек. Все подвижные, крикливые, некоторые и вовсе неуправляемые. Помню: удалил одного из класса, так вся школа слышала, как он, сбегая по лестнице, кричал, что я с цепи сорвался. Выходил из класса издёрганый, измотанный. «К ним заходишь как в клетку к хищникам», — заметила однажды учитель биологии.

Молодых учителей дети любят. Они им ближе, понятнее. Всё-таки минимальная возрастная дистанция. Только это не мешает детишкам вольно вести себя в уроках.

В зависимости от характера, воспитания каждый учитель вырабатывает свои приёмы владения классом. В то время учителя не церемонились, не деликатничали с учениками. Часто срывались на крик. Злое лицо, поток упрёков, многословные нотации — обычная реакция на детские шалости. «У нас всё по-простому», — говорил учитель труда Василий Васильевич. Действительно, не помню случая, чтобы кто-то из учеников пожаловался, мол, меня оскорбили. Зато хорошо помню, как отец

одного трудного подростка говорил учителям: «Моего можно и ударить». Действительно, всё по-простому.

Учитель математики кричала так, что было слышно по всему коридору. Дети про неё говорили: вопит как ишак на заре или кричит как резаная. Учитель труда делал свирепое лицо и шёл на ученика, которому, наверное, казалось, что его сейчас разорвут на части. На самом деле это был добрый, безобидный человек. Но к тому времени, когда это доходило до учеников, заканчивалась учёба. А вот географичка действительно была злая, мстительная женщина. Дети её страшно боялись, да и коллеги побаивались. Но и дисциплина была идеальная. Однажды в учительской она без обиняков заявила: «Дети должны бояться учителя». Заметив мой недоумённый взгляд, добавила: «Я не имею в виду хороших учеников, а вот лоботрясы пусть боятся, иначе они не дадут учить тех, кто тянется к знаниям». И я не нашёл, что ей возразить.

Где собака зарыта, чётко сформулировал завуч Михаил Борисович. «Дети, — сказал он, — даже самые воспитанные, самые интеллигентные, очень скоро сядут вам на шею, если вы не продемонстрируете им свою волю». В дальнейшем я многократно убеждался, насколько был прав старый мудрый еврей. Эрудиция, способность интересно, доходчиво излагать материал,

организовать работу учеников — всё это, безусловно, важно. Но, когда вы имеете дело с людьми, воля всё-таки самое главное.

Беда только в том, что сам я человек слабый, нерешительный, вечно сомневающийся. Поэтому мне нужно было учиться имитировать непреклонную волю: как только прозвенел звонок, строгое выражение лица, металлические нотки в голосе, никакой суетливости. Жёсткая реакция на первое же, пусть даже незначительное нарушение дисциплины. Если обещал наказать, то обязательно накажи, как бы ученик ни умолял этого не делать. А уговаривать ученики умеют: простите, пожалуйста, я больше не буду и т.д. Сам не раз поддавался на уговоры. И дело не в конкретном нарушителе дисциплины, а в одноклассниках, которые внимательно следят за ситуацией. Сойдёт с рук или нет. Дети же постоянно проверяют учителя «на вшивость». Важно внушить мысль о неотвратимости наказания. Но только за дело. Чтоб всё по справедливости.

Нельзя наказывать весь класс или большую группу. Наказывать всех — всё равно, что нико-го не наказывать. Эффект минимальный...

В любых ситуациях сохранять самообладание, контролировать каждый жест, каждое слово. Не давать волю эмоциям, но реакция на непорядочность, наглость, подлость должна быть жёсткой, бурной, бескомпромиссной.

Молодой, неопытный — не беда...

Помню свой первый открытый урок. Присутствовать должны были завучи школ города. Страшно волновался. Не хотелось ударить в грязь лицом. Заметил, что моя коллега-историк взволнована не меньше меня. Я спросил её: «Ну ладно я, молодой, неопытный, а вы-то почему волнуетесь? У вас опыт, вы в числе лучших учителей школы».

«Именно потому и волнуюсь, — ответила она, — если ты что-то сделаешь не так, не беда — молодой, неопытный. Завучи с удовольствием проанализируют твой урок, укажут на недостатки, что-то посоветуют, отметят положительные моменты. А с меня спрос другой. Для меня неудачный урок как доказательство профессиональной несостоятельности».

Открытый урок — это всегда испытание, нервы, время. Но и польза огромная. Учитель определяет форму урока, составляет план, изучает фактический материал, составляет текст рассказа, формулирует вопросы. Это тот капитал, которым учитель будет пользоваться много-много лет. Кроме того, удачный публичный урок повышает самооценку учителя, делает его более уверенным в себе.

Качество преподавания было бы намного выше, если бы к обычным урокам учителя готовились так, как готовятся к

«открытым». К сожалению, это невозможно. Здесь хочу обратить внимание на одну важную проблему.

Помню, катастрофически не хватало времени, чтобы выполнить все возложенные на меня обязанности: уроки, подготовка к урокам, дополнительные занятия, мероприятия к знаменательным датам, обязанности классного руководителя. Случалось, шёл на урок плохо подготовленным. Как правило, это было после родительских собраний, которые часто затягивались, или после совещаний, которые тоже затягивались.

Нельзя перегружать молодого учителя. Не более 18–20 уроков в неделю и обязательно свободный (методический) день. Он должен иметь возможность тщательно готовиться к урокам, заниматься самообразованием. Теоретический материал, полученный в институте, постепенно забывается — его необходимо постоянно восполнять. Учителя истории и обществознания должны знать положение дел в своей стране, за рубежом, анализировать социальные процессы и прошлого, и настоящего. Это особенно важно в условиях информационной войны против России.

Учитель не только помогает приобретать знания, он формирует мировоззрение, нравственные нормы, духовные ценности. А для этого он должен пользоваться уважением учеников, ему

должны верить. Но задёрганый, замотанный, плохо знающий свой предмет учитель не может быть авторитетом для учеников.

Конечно, это мысли сегодняшних дней, в то время я обо всём этом не думал.

Разбор полётов

В Орске у меня сформировалось неприязненное отношение к совещаниям, которое, впрочем, сохраняется и поныне. И кто это придумал, что надо каждую неделю совещаться? Да и какие это совещания? Если только не понимать под совещаниями собрание коллектива, где начальники что-то советуют подчинённым. Десять-пятнадцать минут полезной информации, а дальше разбор полётов. Директор, завучи говорят о недостатках, упущениях в работе, на что следует обратить внимание, что предстоит сделать. Порицают нерадивых: кто-то не сдал вовремя отчёты, у кого-то низкая накопляемость оценок... В начале года обычно выколачивали план воспитательной работы. Практического значения он не имеет. Как правило, его переписывают друг у друга, но по объёму он занимает аж целую тетрадь.

Учителя очень болезненно воспринимали упоминание своего имени в числе нерадивых. Хотя это стародавний приём, способ воздействия на подчинённых — публичное порицание одних

работников служит предостережением для всех остальных.

Справедливости ради, следует отметить, что случилось живое обсуждение каких-то вопросов, когда учителя высказывали своё мнение по текущим проблемам школьной жизни. Но было это крайне редко.

Совещания проводились по средам, а в этот день у меня, как назло, было шесть уроков. К концу шестого урока я как выжатый лимон, но надо идти на совещание. А вечером ещё готовиться к урокам. Правда, я сразу заметил, что учителя даром время не теряют — украдкой проверяют тетради, дневники и делают другую полезную работу. Это возмущало администрацию. Традиционная реплика: товарищи, нам предстоит решить ряд важных вопросов, поэтому отложите все дела в сторону. Все поднимают глаза и делают вид, что внимательно слушают. Впрочем, на самом деле слушают. Психологи говорят, что если человек много-много раз выполняет какую-то работу, у него появляется избыточное внимание. В данном случае его вполне хватало, чтобы одновременно слушать указания начальников. Помню, уже в Оренбурге нужно было выбрать нового секретаря педагогического совета. Выбор пал на учителя русского языка Наталью Ивановну Царёву. Она упорно откашивалась, приводила разные доводы, а когда её всё-таки выбрали, воскликнула с отчаянием

в голосе: «Господи, когда же я тетради проверять буду?!»

Свадьбы не было

Орск мне памятен ещё и тем, что в этом городе я женился. Татьяна тоже закончила Оренбургский пединститут, но двумя годами позже. Я видел её в институте, но не решался подойти — она такая хорошенькая, а я худой, согбенный. В Орске мы встретились на собрании молодых специалистов. К счастью, выступающие говорили в микрофон. Это позволило нам спокойно беседовать, не привлекая внимания. Вспоминали студенческую жизнь, преподавателей. Стали встречаться. У Татьяны был парень — офицер, служивший на космодроме в Тюратаме. Я даже написал шуточное стихотворение:

*Тюратам — воплощение рая.
Ах, дожить бы скорее до мая.
Ах, дожить бы скорее до лета.
Моя орская песенка спета.*

Ну и дальше в таком же духе. К счастью, она быстро поняла, что я для неё важнее, чем капитан из Тюратама. Хотя Татьяна рассказывает, что мы расписались на перемене, всё-таки это было после уроков, только с последнего урока мне пришлось отпрашиваться. Свадьбы не было. Никакой необходимости в свадьбе мы тогда не видели. Напротив, считали её проявлением мещанства.

Нам не надо было настраиваться на общую волну, она изначально была общей. Конечно, не всё было так уж безоблачно. Татьяна человек эмоциональный, ярко выраженный холерик, а холерики сначала говорят, а потом думают, слишком многословна. Зато скучно с ней мне никогда не было. За сорок лет совместной жизни я ни разу не пожалел, что связал с ней свою жизнь.

Орск называли флагманом тяжёлой промышленности. Удивили высокие зарплаты. Ну и что, сказали мне, деньги есть, а купить нечего. Действительно, к концу рабочего дня полки магазинов пустели, а там, где что-то оставалось, выстраивались большие очереди. Помню: не мог купить себе белую рубашку, да и многое другое орчане не покупали, а доставали. Жителей в общем-то всё устраивало, раздражало только одно: растущий дефицит. Социализм клонился к упадку, но мы об этом тогда ещё не подозревали.

Оренбург, школа №2

В сравнении с орской школой здесь я не заметил каких-то принципиальных отличий. Те же порядки, те же требования, за исключением одного — общий уровень культуры учителей и учеников во второй школе был заметно выше.

Моим первым начальником и наставником была завуч Лидия Ивановна Щербакова. Первое время, а точнее первые

несколько лет, она регулярно посещала мои уроки с последующим подробным анализом. Проблема для меня заключалась в том, что Лидия Ивановна сама учитель истории и обществоведения. Поэтому она оценивала не только методику, но и знание фактического материала, его подачу, подмечая каждый промах. В то время вольности в трактовке исторических событий не позволялись. Меня это очень напрягало, я злился. И лишь годы спустя понял, что если я что-то умею хорошо делать, то это в очень большой степени благодаря Лидии Ивановне. Помню: отмечали её юбилей (Лидия Ивановна к тому времени уже не была завучем), все её поздравляли, а когда очередь дошла до меня, я сказал, что если бы мне нужно было озаглавить своё выступление, назвал бы его так: Лидия Ивановна и её роль в моей жизни. Действительно, от того, кто нас окружает, с кем мы общаемся по долгу службы, во многом зависит наше самочувствие, благополучие.

Как-то коллега заметила: «Вам, должно быть, не просто работать с Лидией Ивановной? У неё тяжёлый характер». Характер, действительно, простой. Она упряма, не хватает гибкости, но это с лихвой компенсируется колоссальной трудоспособностью, преданностью делу, глубокой порядочностью, принципиальностью (правда, за исключением тех случаев, когда

задето её самолюбие). Смелость, независимый характер всегда вызывают уважение.

В 1983 году у нас появился новый директор — Александр Николаевич Дмитриев. Первое время отношения с коллективом не складывались. Александру Николаевичу казалось, что учителя игнорируют его указания, распоряжения. На совещаниях он бушевал, обвиняя учителей в нежелании или неспособности работать. Человек импульсивный, взрывной, он позволял себе обидные замечания. Случалось, доходило до откровенных оскорблений. Однажды он заявил: «Кто не хочет работать, пусть уходит». «А может быть, вы уйдёте», — бросила реплику Галина Ивановна Артамонова. Помню выступление Погореловой Татьяны Николаевны. Не воспроизведу дословно, но смысл такой: во второй школе сильный, трудоспособный коллектив, учителя работают с полной отдачей. И ваши обвинения, претензии совершенно не обоснованы, неубедительны, а вот неуважение к учительскому коллективу вы продемонстрировали очень даже убедительно.

Александр Николаевич долго воевал с физиком Сергеем Владимировичем, посещал его уроки (директор тоже физик), критиковал — всё ему не нравилось. Короче, нашла коса на камень. Физик оказался человеком не робкого десятка, из тех, на кого чем больше давят, тем

сильнее они сопротивляются. У него была своя методика, которую он убедительно отстаивал, отвергая все доводы директора. Такая строптивость возмущала Александра Николаевича. Ведь до второй школы он работал заведующим роно и не привык, чтобы ему возражали. У нас начальникам такого уровня не принято перечить.

Но как-то незаметно всё наладилось. Директор стал спокойнее, сдержаннее. Он, конечно, человек вспыльчивый, но отходчивый, демократичный в общении. Двери его кабинета были всегда открыты. Много внимания уделял строительству нового учебного корпуса. А учебным процессом занималась в основном завуч Лидия Ивановна. И с физиком они нашли общий язык. Когда Сергей Владимирович написал учебник по физике для 9-го класса гуманитарного профиля (1995 г.), Александр Николаевич многое сделал, чтобы учебник был опубликован.

Я беседовал с нашими ветеранами. Об Александре Николаевиче у всех остались добрые воспоминания.

Я — миллионер

1988 год. Перестройка, гласность, демократизация. Это было славное время — ещё сохранялся социализм, но уже появилась свобода слова. Мы жадно читали ранее запрещённые произведения, спорили о прошлом и

настоящем страны. О переходе к капитализму речь не шла, капитализма ещё боялись. «Реформы, но в рамках социалистического выбора», — часто повторял М.С. Горбачёв. Ему верили, а главное верили в скорые перемены к лучшему. Увы. Надеждам не суждено было сбыться.

1989 — 1991 годы. Пресса день ото дня становилась смелее. Масса публикаций о сталинских репрессиях, о насильственной коллективизации, о высоком уровне потребления в странах Западной Европы. Критика отдельных недостатков довольно скоро переросла в критику системы как таковой. По сути, в стране велась массивированная антикоммунистическая пропаганда. Раньше наша история была историей побед и свершений. О негативных страницах предпочитали замалчивать, а если и говорили, то вскользь, общими фразами: «имели место необоснованные репрессии, нарушались ленинские нормы партийной и государственной жизни...» А вот о жизни в капиталистических странах преобладала негативная информация. И вдруг всё поменялось. Всё, что так тщательно скрывалось, выплеснулось на страницы газет и журналов. В одночасье советская история из героической превратилась в сплошную цепь преступлений. Многие, особенно представители старшего поколения, болезненно восприняли новые оценки прошлого и настоящего.

Получалось, что они всю жизнь заблуждались, поклонялись ложным богам, стремились к ложным идеалам. А значит, прожитая жизнь теряла смысл.

На самом же деле одна полуправда сменилась другой полуправдой. Ситуация мало благоприятствовала объективному анализу. Как и в 1917 году, страна стремительно раскалывалась на «белых» и «красных».

И всё это на фоне ухудшающегося положения в экономике: пустеющие полки магазинов, бегство от рубля — бартер и т.д. В результате всё больше наших граждан разочаровывались в социализме, а надежды на перемены к лучшему связывали с переходом к рыночной экономике. От былой популярности М.С. Горбачёва не осталось и следа. Теперь взоры наших граждан были устремлены на Б.Н. Ельцина, который критиковал Горбачёва за нерешительность, непоследовательность в проведении рыночных преобразований. В 1991 году Ельцин победил в первом туре и стал первым президентом России. Увы, пройдёт немного времени, и по своей популярности, а точнее непопулярности, он сравняется с Горбачёвым.

90-е годы. Их обычно поминуют недобрым словом. Чудовищная инфляция, невиданное падение производства, разгул преступности, приватизация — прихватизация, многомесячные задержки зарплат и т.д.

В 1996 году, накануне президентских выборов, нам вы- платили зарплату сразу за два месяца (сбросились олигархи, Запад помог — боялись победы Зюганова). В то время я получал около миллиона рублей. Считать такие суммы было непросто, да и деньги поздно привезли. Муж- чины получали последними. Ну и задержались — как было не отметить такое событие! А вре- мя за полночь, общественный транспорт уже не ходит. Пред- стояло добираться домой пешим ходом, с двумя-то миллионами! Физик Сергей Владимирович, благо жил рядом со школой, принёс мне газовый баллончик. С ним было спокойнее идти по безлюдным улицам. К счастью, воспользоваться баллончиком мне не пришлось.

Менялись унастроения граждан. Черта девяностых — разочарование в демократии. В годы перестройки мы верили, что если народ получит пра- во избирать своих руководи- телей (депутатов, губернаторов, президента), он выберет самых умных, самых честных, самых справедливых, и они будут му- драо управлять страной. Увы, всё оказалось намного сложнее.

Негативные черты 90-х я описал для того, чтобы на их фоне отметить один очень по- зитивный момент — ощущение свободы. Капитализм 90-х на- зывают бандитским, олигархи- ческим. Ни тем, ни другим до учителей дела не было. Школа

плохо финансировалась, но зато внешний бюрократический кон- троль был минимальным. Не терзали отчётностью, проверка- ми. За всю нашу историю школа не обладала такой самостоятель- ностью, как в те годы.

После отставки Ельцина обще- ство ожидало от власти наведения порядка, и власть действовала в этом направлении. Нарушения законов носили массовый харак- тер, восстановить управляемость в таких условиях было непросто. Ради порядка пришлось пожерт- вовать элементами демократии, например, назначение губернато- ров вместо выборов и т.д. Вырос- ло число управленцев, которые начали безудержно командовать, расплодилось различные надзор- ные, контролирующие инстан- ции. Как водится, вовремя не остановились. Сегодня чиновни- ков в России в два раза больше, чем было во времена Советского Союза. А для чиновника реаль- но, значимо лишь то, что записа- но на бумаге, запротоколирова- но, задокументировано. Отсюда и бумажный вал.

Степень администрирования сегодня больше, чем во времена Советского Союза. Политологи говорят, что это характерно для стран, где не развиты демократи- ческие институты, не сформирова- лось гражданское общество. Ин- тересно, мы когда-нибудь сумеем совместить свободу и порядок?

Опять у меня был неприят- ный разговор с завучем — не сдал в срок отчёт о входном контроле.

Господи, как меня тяготит отчётность, сколько отнимает времени, нервов. Каждый шаг зачем-то надо фиксировать в письменном виде. Если каждое отдельное требование можно ещё как-то обосновать, например, обеспечением прозрачности учебного процесса, то все вместе они чрезвычайно обременительны для учителя.

Чтобы проанализировать колоссальный объём информации, который поступает наверх, нужна армия чиновников. Только вряд ли кто-то это делает, а если и делает, то без всякого полезного выхода.

Жёсткая регламентация деятельности учителя, множество правил, инструкций, устных распоряжений администрации сковывает инициативу учителя, воспринимается как недоверие. Причём, чем больше правил, предписаний, навязанных сверху, тем больше нарушений, а, следовательно, больше сил, времени нужно тратить администрации, чтобы контролировать их выполнение.

Когда-нибудь власти услышат стенания учителей, сократят и упорядочат отчётность. «Блажен, кто верует», — заметила Татьяна, прочитав эти строки.

Жить не по лжи

Две вещи продолжают меня восхищать: звёздное небо и нравственный закон внутри меня.

И. Кант.

Никак мы не можем обустроить Россию, сделать её уютной,

комфортной для проживания. Во многом потому, что мы не научились уважать Закон, жить по Закону.

Мораль, как мы знаем, является основой права. Требования морали и права в подавляющем большинстве случаев совпадают. Поэтому порядочный человек обычно соблюдает законы не потому, что боится санкций со стороны государства, а потому, что таковы его убеждения, представления о дозволенном, о человеческом достоинстве. К тому же в современном обществе соблюдение законов является важнейшим требованием морали. А вот с моралью не всё благополучно. Отсутствие твёрдых нравственных ориентиров у значительной части наших граждан — печальная реальность. Во многом это последствие эпохи 90-х годов.

Реформы 90-х носили радикальный характер, касались основ общественного устройства. Миллионы людей были выбиты из привычной колеи, деморализованы. Мы перешли к рынку, а законов, регулирующих рыночную экономику, ещё не было. Спешно принимаемые указы, законы оставляли много лазеек, а главное, их можно было почти безнаказанно нарушать. Правоохранительные органы не имели опыта работы в новых рыночных условиях, фактически не контролировали ситуацию.

Мощным фактором криминализации общества стала приватизация. По словам А.Б. Чубайса,

ни одна страна в мире не знала таких масштабов приватизации. Но и ни одна страна, наверное, не знала таких злоупотреблений в ходе её проведения. Впрочем, это обстоятельство мало беспокоило реформаторов. «Справедливое распределение собственности, — пишет Г. Мамут, — не было целью приватизации. Но в этой несправедливости есть какое-то рациональное зерно, что выиграли самые смелые, ухватистые, деловые». Вот так, главное — чтобы собственность сосредоточилась в руках людей энергичных, предприимчивых, а как это произойдёт — неважно. Законность в этом деле только помеха. В результате, за считанные годы произошло огромное имущественное расслоение. Одна часть общества стремительно разбогатела, другая оказалась за чертой бедности или близко к ней. Многие почувствовали себя обманутыми, ограбленными. А когда человек чувствует себя обманутым, наивно ждать от него благородства.

Стремясь любой ценой подавить инфляцию, правительство сокращало финансирование бюджетной сферы. В результате началась деградация государственных институтов. Госструктуры переходят на подножный корм — взятки и т.д. Тем более что появились богатые люди, которых можно было заставить поделиться внезапно обрётённым богатством.

Руководители предприятий, чтобы выжить, остаться на плаву,

хитрили, ловчили, вели двойную бухгалтерию. Было моральное оправдание — нарушаю ради дела. Увы, как обычно бывает, сначала для дела, а потом и для себя.

Эпохи социальных потрясений, радикальных общественных преобразований обычно сопровождаются ростом преступности, коррупции, разрушением нравственных устоев. Беда России в том, что преобразования здесь затянулись. Мы слишком долго жили при слабой, беспомощной власти, фактически в условиях полуанархии.

Известно, ничто так не развращает, как безнаказанность. Когда человек нарушает закон и это ему сходит с рук, у других тоже появляется желание «попытать счастья». Происходит своеобразная цепная реакция. Нарушения закона приобретают массовый характер, становятся нормой.

Переход к рынку в России был связан с большими потерями во всех сферах общественной жизни, но главной из них стала потеря веры в справедливость, в силу закона. У многих граждан сложилось убеждение: быть честным, соблюдать законы, значит, остаться у разбитого корыта.

Справедливости ради следует отметить, что нравственное разложение началось ещё до крушения социализма, в эпоху застоя. Вопиющее расхождение между словами и реальной действительностью, необходимость

доставать по блату, а не покупать дефицитные товары, привилегии номенклатуры, разложение правящей верхушки — всё это с неизбежностью вело к девальвации нравственных ценностей. Но только в девяностые годы этот процесс приобретает катастрофические масштабы.

Все так поступают...

Нравственные нормы сформировались в результате многовекового совместного проживания, общения, взаимодействия людей. В их основе выстраданные человечеством представления о добре, зле, справедливости, о том, как должны вести себя люди, чтобы не отравлять жизнь друг другу, чтобы всем было уютно, комфортно.

Умный, но безнравственный человек способен принести обществу больше вреда, чем пользы. Что весьма часто и происходит. Энергия таких людей направлена не на созидание, а на то, чтобы решать свои проблемы за счёт других. Чтобы дать как можно меньше, а взять как можно больше.

Судебное разбирательство по делу «Юкоса» вскрыло удручающую картину. Десятки и даже сотни, учитывая дочерние структуры, умных, знающих юристов, экономистов занимались тем, что придумывали хитроумные схемы, как спрятать доходы компании от налогообложения. Проще говоря, как обмануть государство.

Довод защитников компании обескураживающе прост: так все поступают. Основатель «МММ» С. Мавроди человек, безусловно, умный, образованный, кандидат математических наук. Только ум свой он направил не на благое дело, а на то, чтобы обмануть миллионы сограждан.

Переход к рынку в нашей стране был связан с огромными потерями, и эти потери напрямую связаны с человеческой непорядочностью.

Если бы речь шла только о материальных благах. Люди отравляют жизнь друг другу грубостью, хамством, бестактностью, раздражительностью. Все эти качества суть проявления эгоизма, неуважения к людям.

Даже достигнув материального достатка, наше общество не станет благополучным, цивилизованным, если мы не научимся уважать друг друга, беречь друг друга.

Нередко мы слышим: чтобы добиться успеха, нужно быть жёстким, напористым. Это так, но лишь при условии, если другие мягче, добрее, доверчивее вас. А если в ответ на вашу жёсткость, напористость конкуренты поведут себя ещё более жёстко и напористо, т.е. жестоко и нахраписто? Каким станет общество? Прямо по Гоббсу: человек человеку волк!

Свои неблагоприятные поступки люди часто объясняют, а точнее оправдывают ссылками на время. Так сегодня принято,

по-другому не выживешь. А если порядки неразумные, несправедливые? И установили их не самые честные, не самые порядочные люди. Так почему мы должны им покорно следовать? Может быть, прав Макаревич: «Не стоит прогибаться под изменчивый мир...» Изменить мир, конечно, трудно, а вот порядки в коллективе, где учишься, работаешь, вполне реально. Ведь порядки, неписанные правила — суть производные нравственных качеств, которыми обладают люди, составляющие коллектив.

Л.Н. Толстой на склоне лет писал: «Если люди злые объединились и составили силу, значит, добрые должны сделать то же самое». Возможно, это единственно правильный путь. Порядочные люди должны объединиться, чтобы построить такой порядок, где зло наказуемо, где наглость, беспринципность, цинизм не дают преимуществ в борьбе за жизненные блага. А напротив, главными условиями успеха являются порядочность и высокий профессионализм. Но тут неизбежно встаёт вопрос — как эту замечательную идею превратить в жизнь?

Добрых, честных людей в России много, но, к сожалению, далеко не всегда они «делают погоду». Сегодня недостаточно быть просто добрым и честным. Нужны смелые люди, способные противостоять злу, объединять вокруг себя менее решительных людей.

Мужество неразрывно связано с чувством собственного достоинства. Это то, чего нам так не хватает, то, что мы непременно должны воспитать у нового поколения.

Вечер встречи

Каждый год в первую субботу февраля проходит вечер встречи выпускников гимназии. Одноклассники встречаются друг с другом, с учителями. Рассказывают, что закончили, где работают. Для меня это важный источник информации о том, что происходит за стенами школы.

Не всегда я могу вспомнить имя, фамилию выпускника. В таких случаях, оправдываясь, говорю, что фамилия — это бирочка, которая может и отлететь, а ваш образ у меня в сознании навсегда. И это чистая правда. Каждый выпуск — важный отрезок жизни. Пять—семь лет мы общаемся с ребятами, учим и сами у них учимся. Дети не умеют так мимикрировать, как взрослые, свойства человеческой природы у них проявляются более выпукло.

Разговаривал с Андреем Соколовым. Он психолог, три года назад закончил МГУ, работает по профессии. Я спросил его: «знание психологии помогает тебе поступать более разумно, рационально?» «Очень мало, — ответил он, — мы ведём себя так, как привыкли, как воспитаны. Задним числом я анализирую своё поведение, понимаю, где

поступил неправильно, но, увы, в жизни эмоции оказываются сильнее разума, особенно, когда задевают наше самолюбие.

О начальниках

Начальников обычно не любят, но куда же без них? В сравнении с коллегиальным управлением единоначалие оказалось более эффективным. Но у единоначалия есть свои недостатки. «Интеллигентный человек испытывает неловкость от необходимости командовать другими людьми», — писал академик Лихачёв. Но среди начальников немало тех, кто любит командовать. Они командуют даже там, где работники могли бы действовать самостоятельно. А это плохо.

Я заметил одну особенность. Чем дольше человек работает начальником, тем многословнее он становится. На каждый типичный случай свой набор фраз, который постепенно пополняется: товарищи, следует обратить внимание на... здесь мы недорабатываем... наше слабое место... и т.д. и т.п.

Известно, что жёсткий руководитель подавляет инициативу. Вроде бы все работают, но так, чтобы не навлечь на себя гнев начальника. Сегодня сложилась ситуация, когда нормальный руководитель вынужден действовать как авторитарный. Сверху как из рога изобилия сыпятся указания, смысл которых

зачастую понятен лишь тем, кто эти указания делает. Учителя ворчат, сопротивляются, а что делать, приходится их принуждать. Отсюда рост недовольства и формализма. «Я устала бояться, — призналась как-то молодая коллега, — никогда не знаешь, откуда ждать неприятностей». У нас же действительно всё под нажимом, всё на нервах.

И так будет до тех пор, пока школа не обретёт самостоятельность, конечно, в разумных границах.

В первую очередь самостоятельность должны получить школы, где есть сильный педагогический коллектив, а затем постепенно расширять круг учебных заведений. Да, у нас нет опыта самоорганизации и самоуправления. Но когда-то же надо начинать! Иначе у нас не будет ни гражданского общества, ни подлинной демократии.

Учителя недовольны условиями труда в современной школе. Во многом они сами в этом виноваты. Потому, что не говорят начальству, что их не устраивает в организации школьной жизни. Иногда, конечно, говорят, но это бывает как эмоциональный взрыв, как вызов, как маленький бунт одиночки, никем не поддержанный. Как в «эпоху застоя» в кулуарах мы говорим одно, а в присутствии начальства другое. На вопрос, почему так происходит, обычно отвечают: бесполезно, нас всё равно никто не слушает, только неприятностей

наживёшь. В этом проявляется глубинная убеждённость наших людей в том, что от них ничего не зависит, их мнения ничего не значат. Отсюда слабая способность к самоорганизации и проблема с обратной связью.

Социологи утверждают, что есть мифы вредные и мифы полезные. Согласно американскому мифу, если будешь много, упорно работать, станешь богатым. Это полезный миф, потому что стимулирует трудовую активность. Конечно, все богатыми стать не могут, но если человек упорно трудится, бедствовать точно не будет. Наши мифы: от трудов праведных не наживёшь палат каменных, от нас ничего не зависит. А если ничего не зависит, зачем что-то предпринимать, искать судьбу.

А.И. Солженицын отмечал «нашу губительно малую способность к объединению сил, к самоорганизации». Сказывается отсутствие опыта. В России народ никогда ничего не решал. Решали помещики, церковь, государство. В советское время страной управлял огромный партийно-государственный аппарат, который контролировал все стороны жизни общества. Ни о какой самостоятельности не могло быть и речи. Хотя решения принимались от имени народа, сам народ никто никогда ни о чём не спрашивал. Люди привыкли к тому, что их мнение никого не интересует, что от них ничего не зависит.

В какой-то степени наше сознание остаётся патриархально-иерархическим. Отсюда чиновничество, страх перед начальством, когда законы, реальная польза делу, здравый смысл не имеют значения, главное — не прогневать начальника. А.П. Чехов предлагал по капле выдавливать из себя раба. Мы поняли его завет слишком буквально, вот по капле и выдавливаем. Поэтому процесс, увы, растянется надолго.

Культура поведения

Советская власть дала возможность всем получить образование. И в современной России образование остаётся доступным. А вот культура поведения передаётся по наследству, через семью. Здесь у нас большие проблемы. Наши люди умудряются отравлять жизнь друг другу буквально на ровном месте. Бестактность, грубость и откровенное хамство — обыденность нашего бытия. Некоторые сознательно демонстрируют агрессивность, боясь показаться слабыми. Супруги выясняют отношения в присутствии детей, срываются на крик, в выражениях не стесняются. Каждый старается больше задеть другого. Такая разнузданность в выражении эмоций для детей становится привычной, естественной. И они точно так же начинают себя вести. Разорвать этот порочный круг чрезвычайно трудно. Здесь многое зависит от

школы, учителей. Сегодня дети видят и особенно слышат учителя едва ли не больше, чем родителей. А если ученики любят, уважают учителя, они невольно ему подражают, воспроизводят его манеру общения.

Татьяна по этому поводу воскликнула: «Это утопия. Где ты найдёшь столько интеллигентных учителей?»

Конечно, это не просто. Важно поднять престиж учительской профессии. Ведь чем выше будет уровень профессионализма, общей культуры учителей, тем сильнее позитивное влияние школы на подрастающее поколение.

Учитель — замечательная профессия, она позволяет реализовать самые разные дарования человека: организаторские, ораторские способности и т.д. и т.п. А ещё необходимость и возможность заниматься самообразованием. Как-то встретил знакомого. Он полковник в отставке, увлекается историей военного искусства. Минут сорок он рассказывал

мне, почему Красная армия сначала отступала в 1941 году, как победила и, в итоге, какова роль в этом Сталина, Жукова, Павлова, тактико-технические характеристики немецкого и советского оружия и т.д. То, чем он серьёзно в данный момент занимался. Были ещё телефонные разговоры такой же продолжительности. Близкие не разделяют его увлечения, а у него неодолимое желание поделиться прочитанным, быть понятым. И в этом он не одинок. А вот у учителя такой проблемы нет. Его опыт, накопленные знания всегда востребованы, всегда есть благодарная аудитория. И не только знания по своему предмету, которые часто воспринимаются учениками как что-то само собой разумеющееся. А вот если, например, учитель истории знает ещё и литературу, и что-то из физики, биологии, это производит на детей особенно большое впечатление... Всё это создаёт огромный стимул, чтобы непрерывно пополнять информационный багаж.